

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124

Научная статья / Research paper

Д.А. Кузнецов, В.А. Дмитриева*

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СТРАНЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА: ТЕНДЕНЦИИ И ДИСКУРСЫ

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный институт международных отношений
(университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»
119454, Москва, пр-т Вернадского, 76*

В последние годы дискуссии о сути гуманитаризации и гуманизации международных отношений усиливаются в связи с обострением экономических, социальных, этических проблем на фоне резкого ухудшения международной обстановки, ареной которого всё чаще становятся страны Глобального Юга. В этом контексте данная статья направлена на выявление специфики и сравнительный анализ подходов государств развитого и развивающегося мира (Севера и Юга) к определению форматов, содержания и назначения гуманитарной дипломатии в современной мировой политике. В первой части подробно рассмотрены академические дискуссии по проблемам гуманитарной дипломатии. Авторы заключают, что в зарубежных и российских международно-политических исследованиях можно выделить два подхода к осмыслению и решению гуманитарных проблем Глобального Юга — объектный и субъектный. Первый характерен для развитых стран Глобального Севера и во многом восходит своими корнями к практикам эпохи колониализма. Второй стал набирать популярность в академических исследованиях в XXI в. на фоне появления феномена «растущих держав», возникновения в их среде «новых доноров», запуска и реализации совместных программ развития непосредственно странами Глобального Юга с опорой на региональные финансовые ин-

* *Кузнецов Денис Андреевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-6265-2774); *Дмитриева Валентина Андреевна* — аспирант кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России (e-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4827-3043).

ституты. При этом авторы отмечают, что академические исследования, как правило, фокусируются преимущественно на изучении динамики изменения объемов помощи и условий ее предоставления, в то время как целый ряд современных тенденций развития гуманитарной дипломатии оказывается несколько в тени. Их рассмотрению посвящен второй раздел статьи. Особое внимание уделено тенденции к транснационализации и приватизации гуманитарной дипломатии — всё более деятельному участию в ней негосударственных и гибридных акторов. В третьей части проанализированы особенности гуманитарной дипломатии ряда ведущих стран Глобального Юга (КНР, Индии, Турции), обозначена специфика подходов к этой проблематике государств АСЕАН, Латинской Америки, арабских монархий. Проведенное исследование позволяет выделить несколько общих принципов и установок, характерных для гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга: широкий, плюралистический подход к пониманию «гуманитарного» — включение в орбиту гуманитарной дипломатии вопросов культурной, научной, академической, молодежной политики; опора на идею солидарности и гуманитарного сотрудничества (вместо реципиент-донорской модели взаимодействия); ненормативность гуманитарной политики; опора на принципы суверенитета в реализации гуманитарной дипломатии.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, содействие международному развитию, иностранная помощь, Глобальный Юг, развивающиеся страны, гуманитаризм, гуманитаризация, сотрудничество Юг–Юг

Для цитирования: Кузнецов Д.А., Дмитриева В.А. Гуманитарная дипломатия и страны Глобального Юга: тенденции и дискурсы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 2. С. 89–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124.

Denis A. Kuznetsov, Valentina A. Dmitrieva

HUMANITARIAN DIPLOMACY AND THE COUNTRIES OF THE GLOBAL SOUTH: TRENDS AND DISCOURSES

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454*

In recent years, discussions about the essence of humanitarization and humanization of international relations have intensified due to the aggravation of economic, social, and ethical problems against the background of a sharp

deterioration in the international situation, particularly in the Global South. This paper aims to identify the specifics and provide a comparative analysis of the approaches of both the developed and developing states of the North and the South to the formats, content and purpose of humanitarian diplomacy in contemporary world politics. The first section examines academic discussions on the issues of humanitarian diplomacy. The authors highlight two main approaches in foreign and Russian international political studies to addressing the humanitarian problems of the Global South — an objectal and a subjectal ones. The former is typically associated with the developed countries of the Global North and is rooted in the practices of the colonial era. The latter gained prominence in academic research in the 21st century with the emergence of the ‘new donors’, which promoted joint development programs led by the countries of the Global South and built on regional financial institutions. At the same time, the authors note that academic research tends to focus primarily on the dynamics of aid flows and conditions for development assistance, while a number of current trends in the humanitarian diplomacy remain understudied. These trends are examined in the second section of the article. The authors emphasize the growing trend towards transnationalization and privatization of humanitarian diplomacy, active involvement of non-state and hybrid actors. The third section outlines the key features of humanitarian diplomacy of the leading countries of the Global South (China, India, Turkey), as well as that of the ASEAN states and Arab monarchies. The authors identify several general principles of humanitarian diplomacy shared by the countries of the Global South: a broad, pluralistic understanding of the humanitarian agenda to include cultural, scientific, academic, and youth policy issues; commitment to the ideas of solidarity and humanitarian cooperation (instead of the donor-recipient model); normative neutrality of the humanitarian policy; adherence to the principles of state sovereignty.

Keywords: humanitarian diplomacy, international development assistance, foreign aid, Global South, developing countries, humanitarianism, humanitization, South–South cooperation

About the authors: Denis A. Kuznetsov — PhD (Political Science), Associate Professor, Department of World Political Processes, MGIMO University (e-mail: kuznetsov.d.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0001-6265-2774); Valentina A. Dmitrieva — PhD Candidate, Department of World Political Processes, MGIMO University (e-mail: dmitrieva.v.a@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4827-3043).

For citation: Kuznetsov D.A., Dmitrieva V.A. 2024. Humanitarian diplomacy and the countries of the Global South: Trends and discourses. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 2, pp. 89–124. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-2-89-124. (In Russ.)

Повышение значимости человеческого фактора в международной политике, инструментализация этико-правового компонента, нерешенные проблемы глобальных общественных благ и широкое принятие деволюционистской парадигмы на уровне глобальных и региональных институтов продолжают актуализировать гуманитарное измерение мировой политики. В последние годы дискуссии о сути гуманитаризации и гуманизации международных отношений усиливаются и в связи с актуализацией этических проблем, связанных с новыми технологиями, включая военные, а также с широким обсуждением концепций когнитивной эры, транс- и постгуманизма [Громогласова, 2018а; Лебедева, 2021; Kotilainen, 2016; Aaltola, 2009; Barnett, 2005, 2013; Douzinas, 2007; Duffield, 2007, 2019; Panajoti, 2009; Crawford, 2002; Campbell, Shapiro, 1999; Bell, 2010; Maxwell, Gelsdorf, 2019]. Регионализация гуманитарных кризисов, наследуемость гуманитарных проблем, обесценивание человеческой жизни в зонах хронически тяжелых гуманитарных ситуаций повышают хрупкость гуманитарных концепций и снижают эффективность проводимых гуманитарных программ. Влияние на это оказывал и продолжает оказывать и сам переходный характер международной системы: возникновение «новых» видов конфликтов, «новых» вызовов и угроз, «новых» влиятельных акторов, «нового» уклада глобальной экономики — всё это требует создания компенсаторных механизмов в условиях усложняющейся международной реальности. Появление концепции «гуманитаризации мировой политики» [Лебедева, 2021] дополнительно подчеркивает значимость человеческого измерения во всём многообразии современных политических проблем, кризисов, вызовов и дискурсов.

Цель настоящей статьи — выявить специфику и противоречия формирующихся подходов стран развитого и развивающегося мира (Севера и Юга) к определению форматов, содержания и назначения гуманитарной дипломатии в современной мировой политике. Для этого в статье обобщаются концептуальные представления о гуманитарной дипломатии, выделяются тенденции ее развития и сопоставляются подходы ведущих стран к ее содержательному наполнению.

Академические дискуссии по проблемам гуманитарной дипломатии

Считается, что впервые термин «гуманитарная дипломатия» употребил в начале XX в. американский дипломат и политик Оскар Штраус [Straus et al., 1912]. Тем не менее проблематику гуманитарной дипломатии как отдельного явления начали рассматривать в академической литературе уже в XXI в. [Богатырёва, 2022]: первой монографией на эту тему стала книга Л. Минеара и Х. Смит [Humanitarian diplomacy..., 2007]. После вхождения в академический дискурс термин, не получивший единого определения, начали использовать для характеристики гуманитарной деятельности различных акторов — от неправительственных гуманитарных организаций (как, например, Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца) до национальных министерств иностранных дел, обороны, развития, гражданской обороны и институтов сотрудничества, занимающихся оказанием гуманитарной помощи в случае чрезвычайных ситуаций [Régnier, 2011]. Дискуссия ведется относительно не только акторов, осуществляющих гуманитарную дипломатию, но также видов и целей этой деятельности. Так, Международная федерация обществ Красного Креста и Красного Полумесяца определяет гуманитарную дипломатию в контексте ведения переговоров по гуманитарным вопросам как «действия по убеждению лиц, принимающих решения, и лидеров действовать в любое время и при любых обстоятельствах в интересах уязвимых людей и при полном уважении фундаментальных гуманитарных принципов»¹. Л. Минеар и Х. Смит сделали акцент на акторах гуманитарной дипломатии, каковыми традиционно являются работники гуманитарных организаций и ООН [Humanitarian diplomacy..., 2007]. Для Ф. Ренье гуманитарная дипломатия является частью мировой гуманитарной системы и существует на разных уровнях: международном, национальном, локальном. В его методологию укладываются как акторы гуманитарных организаций, так и государственные институты, занимающиеся вопросами гуманитарной деятельности [Régnier, 2011]. Одна из общих черт этих определений — понимание гуманитарного как вопросов прав человека, обеспечения достойной и безопасной жизни, защиты ценности человека [Практика

¹ IFRC. Humanitarian Diplomacy Policy // IFRC. 20.07.2017. Available at: https://www.ifrc.org/sites/default/files/Humanitarian-Diplomacy-Policy_EN.pdf (accessed: 13.03.2024).

современной гуманитарной дипломатии, 2022], что связывает это явление напрямую с гуманизмом (борьбой за людей и помощью нуждающимся) [De Lauri, 2018].

При этом вокруг феномена гуманизма также ведется дискуссия относительно его содержательного ядра: если ранее его увязывали с такими принципами, как гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность [Egeland, 2013], то в современной мировой политике они потеряли свою актуальность: гуманизм политизировался ввиду изменений мирового порядка [Barnett, 2005].

В этих условиях в центре внимания академических дискуссий оказались ряд смежных гуманитарных концепций (например, гуманитарных интервенций при наличии или отсутствии мандата Совета Безопасности ООН [Kolb, 2003]), а также вопросы инструментализации гуманитарного дискурса во внешней политике государств. Некоторые исследователи утверждают, что «гуманитарная дипломатия» появилась в продолжение концепции «обязанности вмешаться» (*duty to interfere*) [Guillot, 1994]. При этом ряд авторов отмечают, что условием большей гуманитаризации и гуманизации международной политики выступает наличие устойчивой системы международных отношений [Громогласова, 2018a; Barnett, 2013]. В целом за последние два десятилетия число исследований, посвященных гуманитарной дипломатии, значительно возросло. Не стала исключением и Россия.

Первыми отечественными исследованиями, обобщившими дискуссии вокруг данного феномена, стали труды Е.С. Громогласовой [Громогласова, 2018a]. Благодаря большой работе по концептуализации понятия, сопоставлению различных подходов и осмыслению растущего эмпирического материала автору удалось проследить и обосновать связку понятия «гуманитарного» и дипломатии в науке и практике международных отношений: в ее исследованиях подчеркивается ненасильственный характер дипломатии, с архаичного периода прослеживается взаимосвязь этического («гуманного») поведения с другими племенами, установления и поддержания мирных контактов с соседями, когда дипломатические ненасильственные действия объяснялись рациональными мотивами.

В целом следует отметить, что традиционно в России понятие «гуманитарная дипломатия» — в широком смысле — используется синонимично с понятиями «гуманитарная политика» и «социально-

гуманитарное сотрудничество» [Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. В основном это связано с многозначностью самого термина «гуманитарный» в русском языке. В зарубежной литературе под гуманитарной дипломатией понимается гораздо более узкая проблематика [Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. Однако в последние несколько лет российские авторы также стали всё чаще разделять данные понятия [Табаринцева-Романова, 2020; Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. Если под социально-гуманитарным сотрудничеством подразумевают всё многообразие международного взаимодействия по вопросам «низкой политики» (культурная, молодежная, академическая, спортивная, музейная, научная, религиозная и проч.), то гуманитарную дипломатию начинают трактовать как направление внешней политики, опирающееся на человеческое измерение международных отношений, нацеленное на создание безопасной и благоприятной среды для жизни и развития человека, реализуемое в виде помощи развитию, устранения последствий чрезвычайных ситуаций и конфликтов, защиты базовых прав человека и обеспечения его благополучия в условиях гуманитарных вызовов [Табаринцева-Романова, 2021]. Именно так понимается гуманитарная дипломатия и в настоящей статье.

К числу современных гуманитарных вызовов соответственно следует относить крайнюю нищету, голод, массовые болезни, приобретающие характер эпидемий и пандемий, затянувшиеся конфликты с массовой гибелью среди некомбатантов и сопутствующей девальвацией человеческой жизни, внутренние вооруженные противостояния и терроризм, неконтролируемую миграцию, вынужденное переселение лиц и беженство, массовые преступления против человечности и нарушения прав человека [Кузнецов, 2024]. Большая часть данных проблем сконцентрирована именно в государствах Глобального Юга, что требует от развивающихся стран значительной активности в их решении.

В широком смысле в настоящее время в академической литературе выделяются две стратегии решения гуманитарных проблем Глобального Юга — объектная и субъектная. Объектная стратегия была отработана на практике во второй половине XX в., когда преодоление большинства вызовов, с которыми сталкивался Глобальный Юг, увязывалось с усилиями развитых стран Севера — бывших

метрополий и инициаторов международных программ помощи развитию в рамках как глобальных, так и региональных организаций, прежде всего ООН и ее «семьи», Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Группы Всемирного банка и ЕС. В такой системе все государства делились на две категории — доноров и реципиентов, причем последним отводилась зависимая и дискурсивно подчиненная роль: они должны были в основном принимать предлагаемые им концепции развития, выполнять «домашние задания» по их реализации (например, проводить реформы в соответствии с Вашингтонским консенсусом), заниматься поиском инвестиций в рамках связанной помощи и становиться объектами широкой критики за провалы.

В научной литературе, посвященной этой стратегии, основное внимание сосредоточено на проблемах повышения эффективности гуманитарной дипломатии, принимающей форму оказания странами Севера помощи реципиентам Юга. Наиболее острые дискуссии идут вокруг вопроса о необходимости, допустимости и целесообразности «связывания» помощи (*tying aid*), т.е. установления определенных условий для реципиентов для приобретения товаров и услуг в стране-доноре. Комитет содействия развитию (КСР) ОЭСР рекомендует предоставлять несвязанную помощь, мотивируя это административными затратами и возможной несовместимостью технологий донора и реципиента². В то же время в литературе отмечается, что эффективность несвязанной помощи по сравнению со связанной спорна и не подтверждается в достаточном объеме доступными данными³. Кроме того, несвязанная помощь может выполнять задачу улучшения имиджа донора в стране-реципиенте [Arvin, Baum, 2007] и тем самым приносить доходы в первую очередь донору [Ali et al., 2015], что может негативно отразиться на достижении изначальных целей оказания помощи. Критики объектного подхода отмечают в целом низкую эффективность гуманитарной деятельности стран Севера [Doucouliagos, Manning, 2009].

² Untied aid // OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/untied-aid.htm> (accessed: 02.05.2024).

³ Miquel-Florensa J.M. Aid effectiveness: A comparison of tied and untied aid // Working Papers. April, 2007. Available at: https://www.yorku.ca/wp-content/uploads/sites/205/2020/10/April2007_TiedUntied.pdf (accessed: 04.04.2024).

Альтернативная этому подходу субъектная парадигма стала набирать популярность в академических исследованиях в XXI в., в том числе и после мирового финансового кризиса конца 2000-х годов, на фоне появления феномена растущих держав, возникновения в их среде «новых доноров», запуска и реализации совместных программ развития с опорой на региональные финансовые институты. В центре такого подхода оказываются «новые доноры», которые сами сталкиваются с вызовами, способны поделиться опытом с другими государствами Юга и часто осуществляют свою деятельность не через КСР ОЭСР.

Исследователи сравнивают «новых доноров» с традиционными для выявления схожих и различных черт при осуществлении ими гуманитарной дипломатии и для анализа ее эффективности⁴ [Dreher et al., 2011, 2013; Palagashvili, Williamson, 2021]. Их оценки предсказуемо разнятся. Одни авторы подчеркивают, что появление «новых доноров» привело к усложнению и ухудшению гуманитарного взаимодействия из-за увеличения количества акторов, и отмечают, что «новые доноры» еще меньше заботятся о нуждах реципиента, чем традиционные, и точно так же не учитывают уровень коррупции в принимающей стране, что снижает эффективность помощи [Dreher et al., 2011, 2013]⁵. Наибольшей критике подвергается Китай⁶. Другие исследователи видят в появлении «новых доноров» возможность для ускорения достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) ООН. Такие авторы указывают, что «новые доноры» направляют средства в те регионы, с которыми не работают страны, входящие в КСР ОЭСР (Йемен, Мальдивы, Бангладеш)⁷, а также не распыляют помощь между государствами и реже используют ненадежные каналы [Palagashvili, Williamson, 2021].

⁴Smith K. Non-DAC donors and humanitarian aid: Shifting structures, changing trends // Devinit. 2011. Available at: https://devinit.org/wp-content/uploads/2011/07/GHA-NDD_Web-revised-fig-21.pdf (accessed: 01.05.2024).

⁵Davies P. A review of the roles and activities of new development partners // CFP Working Paper Series 4. Washington, D.C.: World Bank, 2010. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/824291468330960846/pdf/538660NWP0CFPW10Box345632B01PUBLIC1.pdf> (accessed: 08.05.2024).

⁶Dreher A., Fuchs A. Rogue aid? The determinants of China's aid allocation. // CESifo. 2011. Working Paper No. 3581. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/52444/1/668754397.pdf> (accessed: 01.05.2024).

⁷Smith K. Op. cit.

Тенденции развития гуманитарной дипломатии

Как представляется, тенденции развития гуманитарной дипломатии, особенно на современном этапе, в научной среде осмысляются несколько односторонне: в основном исследователей интересуют вопросы динамики изменения объемов помощи и ранжирования государств по этому показателю⁸ [Jones, 2015]. В ряде статей можно заметить упоминание иных аспектов современной гуманитарной дипломатии: проблемы ее использования с ненадлежащими целями, статусные мотивы и ее полимодальный характер [Табаринцева-Романова, 2020; Богатырёва, 2022], тенденции к выделению больших объемов средств в конфликтные зоны по сравнению с зонами, пострадавшими от стихийных бедствий [Cook, Gong, 2021]. Однако работ, которые бы были целиком посвящены современным тенденциям развития гуманитарной дипломатии, на данный момент не опубликовано.

В истории международных отношений процесс гуманизации развивался нелинейно. Так, становление системы международного гуманитарного права в XX в. сопровождалось двумя наиболее разрушительными войнами в истории, чудовищными по своим гуманитарным последствиям. Ранее, в XVIII–XIX вв., дискуссии об отмене рабства в мире соседствовали с тотальной эксплуатацией колоний и открытием «человеческих зоопарков» и т.д. Однако важно подчеркнуть, что речь идет именно о нелинейности гуманизации, поскольку в целом тренд на рационализацию ненасилия, кооперационное решение международных вызовов, формирование правил ведения вооруженных конфликтов, создание каналов международной гуманитарной помощи и глобальных организаций, нацеленных на решение проблем развития, характерен для исторической эволюции международных отношений [Barnett, 2013]. В постбиполярную эпоху это получило отражение и в ощутимом расширении гуманитарной повестки международных институтов, в том числе Совета Безопасности ООН: число резолюций с гуманитарным компонентом увеличилось в несколько раз по сравнению с биполярным периодом [Лебедева, Устинова, 2020]. Например, в 2024 г. за 3 месяца все 7 принятых резолюций Совета Безопасности ООН были связаны с гума-

⁸ Kharas H. Trends and issues in development aid // Wolfensohn Center for Development Working Paper No. 1. 2008. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/11_development_aid_kharas.pdf (accessed: 08.05.2024).

нитарными кризисами в Йемене, Судане, Афганистане, Палестине и на Кипре и мерами по их решению⁹.

Еще одной ощутимой исторической тенденцией следует назвать транснационализацию и приватизацию гуманитарной дипломатии — всё более деятельное участие в ней негосударственных и гибридных [Лебедева, 2013] акторов. Если в Средневековье значимую роль — помимо суверенов — играли религиозные акторы (церковь), то уже к XIX в. круг субъектов значительно расширился: в мире действовало несколько сначала околорелигиозных, а затем и светских общественных движений, цель которых заключалась в организации гуманитарной помощи («Сестры милосердия», «Скорая помощь Святого Иоанна», Международный Комитет Красного Креста и т.п.). Деятельность Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, ставшего гарантом международного гуманитарного права, а также других неправительственных организаций («Врачи без границ», «Международная амнистия» и др.) имеет особое значение и для современной гуманитарной дипломатии.

В последние годы в рассматриваемую сферу начал вовлекаться транснациональный бизнес, участие которого традиционно связывается с практикой социальной ответственности (Environment, Social, Governance, ESG) и оказанием гуманитарной помощи (в соответствии со специализацией компаний) [Ratajczak, Broś, 2023]. Так, в крупных компаниях создаются отдельные институты, посвященные гуманитарной деятельности и оказанию помощи в целях содействия развитию. Например, в группе «J.P. Morgan» функционирует Институт по финансированию развития, осуществляющий работу по нескольким направлениям: поддержка кампаний по улучшению условий жизни, спонсирование политических программ правительств развивающихся стран и сотрудничество с институтами развития¹⁰. Другим способом участия бизнеса в гуманитарной дипломатии является включение крупных компаний, таких как «ExxonMobil», в проекты государственно-частного

⁹ Resolutions adopted by the Security Council in 2024 // United Nations Security Council. Available at: <https://www.un.org/securitycouncil/content/resolutions-adopted-security-council-2024> (accessed: 31.03.2024).

¹⁰ The J.P. Morgan Development Finance Institution 2022 Annual Report // J.P. Morgan. 2023. Available at: <https://www.jpmorgan.com/content/dam/jpm/cib/complex/content/investment-banking/development-finance-institution/DFI-Annual-Report-2022.pdf> (accessed: 20.03.2024).

партнерства [Юдин, 2024] (например, Коалиция по инновациям в области обеспечения готовности к эпидемиям, СЕРИ, Глобальное водное партнерство и др.)¹¹.

В гуманитарной деятельности также активно участвуют неправительственные организации в лице фондов. Так, среди доноров можно найти такие фонды, как Инициатива Клинтона по обеспечению доступа к здравоохранению (Clinton Health Access Initiative) или Фонд Билла и Мелинды Гейтс (Bill and Melinda Gates Foundation)¹². Эти организации осуществляют собственные проекты и участвуют в международных сетях и ассоциациях.

Сложно переоценить роль международных организаций: ключевая координационная функция принадлежит ООН, в «семью» которой входит несколько десятков структур и программ, нацеленных на решение гуманитарных проблем современности. Эта задача зафиксирована, в частности, в Целях развития тысячелетия (2000–2015) и ЦУР (с 2015 г.)¹³, направленных прежде всего на развивающиеся страны. В целом необходимо подчеркнуть доминирование концепции «развития» в сегодняшней гуманитарной повестке: «устойчивое *развитие*» лежит в основе крупнейших программ ООН, указанных выше, на «содействии *развитию*» сосредоточена деятельность ОЭСР¹⁴ и т.д.

При этом основными донорами в системе официальной помощи развитию (ОПР) по-прежнему остаются страны Запада (лидерами являются США, Германия и Япония¹⁵), действующие как самостоятельно, так и через международные структуры, в частности ОЭСР. В то же время доля незападных государств, осуществляющих помощь по линии Юг–Юг, возрастает. Так, согласно статистике Development Initiatives в топ-20 доноров, передающих данные в КСР ОЭСР, в 2022 г.

¹¹ List of ODA-eligible international organizations // DAC OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/annex2.htm> (accessed: 05.05.2024).

¹² Ibidem.

¹³ Цели устойчивого развития // ООН. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (accessed: 01.03.2024).

¹⁴ Official development assistance (ODA) // OECD. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> (accessed: 01.03.2024).

¹⁵ ODA Levels in 2022 — preliminary data. Detailed summary note // OECD. 12.04.2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/ODA-2022-summary.pdf> (accessed: 20.02.2024).

оказались три незападные страны: Турция (2-е место), Саудовская Аравия (12-е место), ОАЭ (17-е место)¹⁶. В КСР ОЭСР отчитываются всё больше государств об оказании помощи: с 2013 г. данные начал передавать Казахстан, с 2014 г. — Азербайджан и Восточный Тимор, с 2015 г. — Турция, Саудовская Аравия, Израиль, Тайвань, Таиланд, с 2019 г. — Катар¹⁷.

Таким образом, объемы гуманитарной помощи, предоставляемой по всем описанным каналам, продолжают увеличиваться. Тем не менее они не поспевают за ростом числа нуждающихся. По данным Отчета о мировой гуманитарной помощи 2023 г., количество нуждающихся в гуманитарной помощи выросло более чем в два раза: с 199,1 млн человек в 2018 г. до 406,6 млн человек в 2022 г.¹⁸ Нерешенность гуманитарных проблем актуализирует дискуссии о формировании более эффективной системы содействия международному развитию [Морозкина, 2019; Knack et al., 2011; Knack, Smets, 2012; Narang, 2015; Puri et al., 2017; Dávid-Barett et al., 2020].

Еще одной тенденцией современной гуманитарной дипломатии следует назвать обострение дискуссий вокруг различных стратегий ее практической реализации, в частности, разрабатываемых в русле концепций «безопасности личности», «гуманитарной интервенции», «вооруженного гуманитаризма» или «обязанности защищать» [Кузнецов, 2024: 23–25; Ответственность по защите (R2P)..., 2018]. Формируется группа государств (прежде всего западных), рассматривающих возможность ограничения суверенитета в рамках дискурса об ответственности за обеспечение внутренней безопасности (концепция «обязанности защищать»¹⁹), которой противостоит другая группа, выступающая либо за существенное смягчение подобной риторики (бразильская концепция «ответственности во

¹⁶ Key trends in humanitarian need and funding: 2022 // Development initiatives. 2023. Available at: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2023/key-trends-humanitarian-need-funding-2022/#27774d78> (accessed: 02.05.2024).

¹⁷ Burgess B., Bengtson A., Lautenslager B. Financing the 2030 Agenda for Sustainable Development, Version 1.0 // Williamsburg, VA. AidData. 2023. Available at: <http://aiddata.org/sdg> (accessed: 02.05.2024).

¹⁸ Global Humanitarian Assistance Report 2023: Executive Summary // Development initiatives. 20.06.2023. Available at: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2023/executive-summary/> (accessed: 20.02.2024).

¹⁹ Responsibility to protect // UN. Available at: <https://www.un.org/en/genocide-prevention/about-responsibility-to-protect.shtml> (accessed: 02.05.2024).

время защиты», *responsibility while protecting*, RWP²⁰), либо за полный отказ от нее. Следует отметить, что эти дискуссии прямо затрагивают проблему суверенитета — краеугольного камня международной политики — и в этом отношении чреваты подрывом сложившейся системы гуманитарного права и увеличением практики односторонних действий (примером могут служить «коалиции желающих», действовавшие без мандата ООН в Сербии и Ираке). Известный исследователь М. Барнетт назвал это формированием «рынка гуманитарных услуг» [Barnett, 2013].

Выделенные тенденции подтверждают активизацию гуманитарного дискурса в международных отношениях, которая в свою очередь приводит к тому, что гуманитарная дипломатия становится важным элементом внешней политики государств. Для сохранения своего авторитета на международной арене и внесения вклада в мировую повестку страны не только наращивают объемы помощи в гуманитарной сфере, но и разрабатывают комплексные национальные подходы, определяющие цели, направления расходования средств с учетом ЦУР ООН и позиции по вопросам гуманитарных концепций. В современных условиях все эти тенденции и дискуссии получают особое преломление в контексте взаимоотношений между развитыми (прежде всего западными) и развивающимися государствами (незападными, странами Юга).

Гуманитарная дипломатия стран Глобального Юга

Для развитых государств гуманитарная дипломатия принимает преимущественно форму ОПР, предоставляемой странам-реципиентам в соответствии с рекомендациями ОЭСР, и гуманитарной помощи в условиях чрезвычайных ситуаций. Концептуально представления западных держав о гуманитарной дипломатии и ее инструментах во многом основаны на их колониальном прошлом. В частности, это проявляется в особенностях страновых и региональных приоритетов их гуманитарной дипломатии, которая оказывается сосредоточена чаще всего на бывших колониях [Alesina, Dollar, 2000; Fuchs et al., 2014; Round, Odedokun, 2004; Steinwand, 2015], а также в ее дискурсивных аспектах, в которых сохраняются

²⁰ Responsibility while protecting // Global Centre for the Responsibility to Protect. 2011. Available at: <https://www.globalr2p.org/resources/responsibility-white-protecting/> (accessed: 02.05.2024).

представления о превосходстве западных стран, их праве определять и оценивать состоятельность государства-реципиента, жестко продвигать либеральные интерпретации гуманизма.

Влияние колониальных практик просматривается и в особенностях практической организации гуманитарной деятельности бывших метрополий. Например, Франция направляет помощь в 92% случаев через государственные каналы, а Великобритания — только в 22% [Becker, 2020]. Это может быть связано с тем, что в период колониализма Франция придерживалась более централизованных подходов и чаще прибегала к прямому управлению колониями, тогда как Великобритания шире практиковала не прямое управление, опираясь на местные политические структуры.

Так или иначе, на практике государства, переживающие хронический гуманитарный кризис или получающие регулярную помощь, рассматриваются западными странами как «несостоявшиеся» или «хрупкие» (*failed, failing, fragile*). Вопрос о состоятельности государства прямо увязывается с его политическим режимом: является ли он легитимным и эффективным. В случае если правительство воспринимается как неэффективное с точки зрения использования предоставляемой помощи, осуществления социальных гарантий или других мер, западные доноры начинают широко применять различные практики обусловленной помощи. Причем, как отмечают исследователи, условия ее предоставления при этом часто направлены не на достижение объективно необходимых для самого реципиента изменений, а на продвижение политических интересов донора [Seybolt, 2009]. В случае острого гуманитарного кризиса помощь оказывается ситуативной и обусловленной прагматикой национальных интересов, наблюдается тенденция к дистанцированию от реципиента («помощь на расстоянии» [Громогласова, 2019]) или помощь приобретает «связанный» характер²¹.

²¹ ОЭСР продолжает предпринимать попытки повысить долю «несвязанной помощи», но, как показывают отчеты 2023 г., в странах КСР сохраняется высокий процент «связанной помощи», например в Польше, Чехии. Development Co-operation Peer Reviews: Poland // OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/peer-reviews/oecd-development-co-operation-peer-reviews-poland-2023-deae8fba-en.htm> (accessed: 05.05.2024); Development Co-operation Peer Reviews: Czech Republic // OECD. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/dac/oecd-development-co-operation-peer-reviews-czech-republic-2023-eba15a0b-en.htm> (accessed: 05.05.2024).

При этом практика обусловленной помощи почти всегда сопровождается ростом издержек, снижающих ее общую эффективность [Bourguignon, Sundberg, 2007] и часто провоцирующих протесты в странах-реципиентах²². В случае же невыполнения условий доноров предусмотрены санкции вплоть до полного прекращения выделения средств. Например, в сентябре 2018 г. Великобритания, Швеция, Ирландия и Финляндия приостановили помощь Замбии в связи с выявлением неправомерного использования 4 млн долл., предназначенных для бедного населения и лиц с инвалидностью [Naang'andu, Béland, 2020]. В итоге наиболее пострадавшими оказались как раз самые нуждающиеся группы населения этой страны, столкнувшиеся с полным прекращением предоставления необходимых средств. Эффективность механизма обусловленной помощи снижается и за счет конкуренции среди доноров [Bourguignon, Platteau, 2015].

Рассуждения об эффективности и легитимности политического режима в той или иной стране в рамках дискурса гуманитарной дипломатии часто являются прологом к обоснованию необходимости гуманитарной интервенции. Примерами могут служить военная операция в Косове в 1999 г., начавшаяся, по словам руководства НАТО, для прекращения этнических чисток со стороны правительства Югославии и перешедшая в войну против режима С. Милошевича [Худайкулова, 2016а; Рожкова, Колодяжная, 2018]; гуманитарная интервенция Индии в Восточный Пакистан (ныне Бангладеш) для защиты от карательных акций военных Западного Пакистана [Иванов, 2016]; «стратегия смены режимов» США [Худайкулова, 2016b]²³.

Связка «гуманитарный кризис» — «неэффективный/нелегитимный политический режим» в гуманитарной дипломатии стран Запада, как представляется, носит политизированный характер, а стремление разорвать ее через политику интервенционизма не только не решает проблемы Глобального Юга, но и, напротив, ус-

²² Ramcharan R. How does conditional aid (not) work? // IMF Working Paper No. 02/183. 2002. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2002/wp02183.pdf> (accessed: 03.05.2024).

²³ Некоторые авторы отмечают, что вмешательство в дела других стран по мотивам гуманности сформировалось еще в XVIII в. [Тарасова, 2011], при этом изначально основанием для интервенции были религиозные обязательства, а в настоящий момент — права человека [Lewis, 2023].

публикует их. Она отражает представления стран Глобального Севера о собственном превосходстве, универсальности их модели развития (ее «нормативной силе» [Погорельская, 2022]) и возможности ее прямого перенесения в развивающиеся государства. В последние десятилетия такая политика вызывает у них всё большее отторжение, что и обусловило, в частности, активизацию деятельности «новых доноров».

Можно выделить несколько отличительных особенностей гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга.

Во-первых, она характеризуется широтой понимания «гуманитарного». Не только в России²⁴, но и в крупных государствах Азии (Китай, Индия, страны АСЕАН), Африки и Латинской Америки в сферу гуманитарной дипломатии включаются такие вопросы, как культурное, образовательное, спортивное и иные виды сотрудничества. Они рассматриваются не только как способствующие международному диалогу и развитию, но и как фактор полицентрализации мировой системы и возвышения Глобального Юга. В связи с этим указанные страны помимо финансирования традиционных для государств Севера типов гуманитарной дипломатии — помощи в целях содействия развитию и гуманитарной помощи — направляют свои средства на проведение мероприятий, посвященных культурному и иному взаимодействию. Например, в 2023 г. в рамках сотрудничества по линии Юг–Юг Мексика организовала симпозиум по биотопливу для государств Мезоамериканского проекта в целях расширения использования биотехнологий в развивающихся странах²⁵.

Во-вторых, вместо комплекса превосходства в государствах Юга популярен дискурс о солидарности, от которого отталкиваются многие страны [Morales, 2017; Yaffe, 2023]. В частности, как отмечается в официальных документах Индонезии, усиление солидарности выступает как фактор повышения независимости развивающихся

²⁴ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» // Президент России. 05.09.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁵ Celebran en México II Simposio Internacional de Biocombustible // Agencia Mexicana de Cooperación Internacional para el Desarrollo. 31.08.2023. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid/es/articulos/celebran-en-mexico-ii-simposio-internacional-de-biocombustible-343970?idiom=es> (accessed: 10.02.2024).

стран от развитых доноров²⁶. В мусульманских государствах сложилась официальная и основанная на религиозных догмах практика перераспределения пожертвований, применяемая и во внешней политике («закят» — один из пяти столпов ислама, обязательный налог, уплачиваемый правоверным мусульманином для помощи нуждающимся, и «садака» — добровольная милостыня), в том числе в рамках Исламского банка развития и в исламском банкинге в целом [Halimatusa'diyah, 2015; Minor, 2014]. В китайской теории международных отношений существует представление о необходимости формирования имиджа моральной глобальной державы («моральный реализм») [Acharya, 2020], чем частично может объясняться активность КНР в современной гуманитарной дипломатии. Вместе с тем это всё не означает, что развивающиеся страны подходят к гуманитарной политике исключительно с альтруистических позиций: политические (борьба за влияние) и экономические мотивы (например, кредитная политика того же Китая в Африке) являются значимыми факторами²⁷.

Так или иначе, регионализация транснациональных вызовов и угроз для Глобального Юга способствует возвышению новых крупных «гуманитарных держав». Абсолютными лидерами среди стран Юга в этом отношении являются Китай и Индия, традиционно воспринимаемые как соперники, в том числе в сфере гуманитарной дипломатии. В качестве примера такого соперничества часто приводится политика Индии и Китая в Африке [Vickers, 2013; Panda, 2016]. Конкуренция между ними особенно ярко проявилась в период пандемии, когда обострилась необходимость оказания помощи местному населению. Так, Китай оказывал всестороннюю помощь, в том числе посредством отправки медицинских работников в наиболее пострадавшие регионы [Gong, 2021]. Индия же сконцентрировалась на поставках фармацевтических препаратов, в итоге на страны Африки пришлось 19% поставок индийских вакцин [Mol et al., 2022]²⁸.

²⁶ Basic Study for South-South Cooperation // JICA. March 2011. Available at: https://openjicareport.jica.go.jp/pdf/12028304_01.pdf (accessed: 09.04.2022).

²⁷ Hirono M. Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action // HPG Working Paper. 2018. Available at: <https://www.odi.org/sites/odi.org.uk/files/resource-documents/12015.pdf> (accessed: 10.02.2024).

²⁸ India supplied 'Made in India' COVID vaccines to 42 African countries: EAM // Healthworld. 15.06.2023. Available at: <https://health.economicstimes.indiatimes.com/>

Однако в целом подходы Пекина и Дели к реализации гуманитарной дипломатии сильно различаются. Китай является примером поступательного усиления роли гуманитарной деятельности во внешней политике: гуманитарная дипломатия начала закрепляться в его официальных документах только с 2011 г. Сначала она ограничивалась предоставлением помощи в условиях природных катастроф, потом была распространена на ситуации гуманитарных кризисов, вызванных войной [Gong, 2021]. Особенность гуманитарной дипломатии КНР заключается в реализации «проектов под ключ», когда Китай берет на себя всё — от планирования до обучения персонала по завершении программы [Brautigam, 2009], при этом «техническое сотрудничество», «инвестиции» и «помощь» сливаются в единый комплекс мер [Paulo, Reisen, 2010].

Индия, принципиально отрицающая логику отношений донор–реципиент²⁹, в своей гуманитарной дипломатии делает акцент на «сотрудничестве для развития». Данный подход предполагает использование грантов, техническую помощь, обучение персонала и предоставление стипендий для учебы в Индии³⁰.

При этом важно отметить, что лидерство Пекина и Дели в гуманитарной дипломатии не препятствует появлению и новых «гуманитарных держав» среди стран Глобального Юга. Так, в арабском мире в последние десятилетия наблюдается рост гуманитарной активности крупных экономик региона: Саудовская Аравия стремится позиционировать себя как «гуманитарное королевство»; действует целая плеяда национальных гуманитарных проектов: «Катар-милосердие», «Дубайская забота» и др. [Громогласова, 2018b]. Международная гуманитарная активность мусульманских государств стала открытой и публичной относительно недавно: ранее они предпочитали помогать тайно, руководствуясь религиозными мотивами.

news/policy/india-supplied-made-in-india-covid-vaccines-to-42-african-countries-eam/101009408 (accessed: 03.05.2024).

²⁹ Saran S. India and Africa: Development partnership // RIS Discussion Papers. Paper No. 180. Research and Information System for Developing Countries, 2012. Available at: https://www.ris.org.in/sites/default/files/Publication/dp180_pap.pdf (accessed: 01.05.2024).

³⁰ Mullen R., Jain S., Shivakumar H., Prasad K., Haribhakti S. The State of Indian Development Cooperation: A Report // Centre for Policy Research & Indian Development Cooperation Research. 28.03.2014. Available at: https://cprindia.org/wp-content/uploads/2021/12/Spring_2014_IDCR_Report_the_State_of_Indian_Development_Cooperation.pdf (accessed: 02.05.2024).

Следуя тренду на открытость, Саудовская Аравия вступила в КСР ОЭСР в 2018 г. и сделала доступной в онлайн-режиме базу данных об ОПР³¹. В то же время, поскольку Ближний Восток оказался одной из «горячих точек» гуманитарных кризисов в последние десятилетия, страны региона вынуждены всё больше внимания уделять вызовам, возникающим на их границах. Заметен тренд на «секьюритизацию» гуманитарной дипломатии после «арабской весны»: ОАЭ содействовали стабилизации политических режимов государств региона³², тогда как Саудовская Аравия выделила часть своих средств на помощь беженцам, находившимся в стране на правах «посетителей» и получившим от правительства разрешение на работу и доступ к бесплатному здравоохранению и образованию для их детей³³.

Для Турции, которая исторически была родиной современного гуманитаризма на Ближнем Востоке, гуманитарная дипломатия стала важным инструментом не только регионального (можно вспомнить концепции «географии сердца» и «географии памяти»³⁴), но и глобального влияния (гуманитарная активность в ООН и группе МИКТА [Дмитриева и др., 2022]). При этом в реализации своей гуманитарной дипломатии Анкара зачастую опирается на рели-

³¹ Hamid M. Why the world needs partnership with Saudi Arabia: Saudi Arabia's global and humanitarian and development aid // King Faisal Center for Research and Islamic Studies. 2022. Available at: <https://www.kfcris.com/pdf/c2a6d869685a22b236cafc6d8aaf-275161d6c986b220f.pdf> (accessed: 20.02.2024).

³² Gökalp D. The UAE's humanitarian diplomacy: Claiming state sovereignty, regional leverage and international recognition // CMI Working Paper. 2020. No. 1. Available at: <https://www.cmi.no/publications/7169-the-uaes-humanitarian-diplomacy-claiming-state-sovereignty> (accessed: 15.01.2024).

³³ Hamid M. Op. cit.

³⁴ «География сердца» — вековая дружба между народами в рамках определенной территории. «География памяти» — территории бывшей Османской империи. См.: Научный семинар «Гуманитарная дипломатия Турции в формирующемся полицентричном мировом порядке» // CCEIS. 2021. Available at: <https://www.hse.ru/data/2021/05/28/1436721345/%D0%9D%D0%B0%D1%83%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D1%81%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%80%20%C2%AB%D0%93%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D0%B8%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%8F.%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%D0%BC%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC%20%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4%D0%BA%D0%B5%C2%BB.pdf> (accessed: 25.01.2024).

гиозно-этнический фактор. Еще одной ее особенностью является активное взаимодействие с соотечественниками, проживающими в других странах, путем увеличения сети диппредставительств [Davutoğlu, 2013].

Значительно по пути институционализации гуманитарной дипломатии продвинулись страны АСЕАН. Сама идеология «Пути АСЕАН» (ASEAN Way) базируется на представлении об общности географической, исторической, цивилизационной и социально-экономической судьбы участников объединения, а также секьюритизации общих вызовов. Подверженность Юго-Восточной Азии разрушительным стихийным бедствиям и хроническим проблемам развития потребовала от АСЕАН запуска совместных программ как регионального уровня (Комитет АСЕАН по управлению стихийными бедствиями, «Декларации о едином ответе АСЕАН» (One ASEAN, One Response), Группа быстрого реагирования военных АСЕАН и Центр военной медицины АСЕАН), так и трансрегионального (Форум АСЕАН по безопасности, Форум Азия–Европа) [Многосторонняя гуманитарная дипломатия..., 2021]. При этом стратегия реагирования на острые внутрирегиональные кризисы (например, события в Мьянме в 2021 г.) опирается на тактику «тихой дипломатии» и отказ от внешнего вмешательства на основе уважения принципа государственного суверенитета. Несмотря на достаточно высокую долю проживающих в регионе мусульман, не найдено подтверждений использования исповедующими ислам странами АСЕАН заката в качестве инструмента гуманитарной дипломатии: средства перераспределяются в границах государств преимущественно на улучшение жизни местного населения.

Традиционно видную роль в развитии принципов гуманитарной дипломатии играла Латинская Америка — самый мирный с точки зрения межгосударственных конфликтов, но самый опасный в контексте безопасности личности регион мира. Исторически он был родоначальником множества гуманитарных концепций: политики взаимного разоружения, института убежища, принципа ненападения, идеи региональной безъядерной зоны, доктрины Аррии и проч. В разные годы в Западном полушарии создавались многосторонние механизмы, нацеленные на решение гуманитарных проблем: это и макрорегиональные (Организация американских государств), региональные (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, Союз южноамериканских наций), локальные

(сеть дипломатии городов Меркосьюдадес) группы и гуманитарные проекты с участием негосударственных акторов — сеть RedHum или Pastoral Social Caritas. В последние два десятилетия в регионе появились влиятельные «гуманитарные державы», чья гуманитарная политика выходит за пределы Латинской Америки. Так, ощутимую роль в оказании гуманитарной помощи стали играть Мексика и Бразилия [Дмитриева, 2022; Богатырёва, 2023]. Они активно используют инструменты трехстороннего сотрудничества, привлекая страны как Юга, так и Севера.

Усиление государств Глобального Юга в гуманитарной дипломатии происходит и за счет международных финансовых механизмов, таких как Новый банк развития БРИКС [Тюлебеков, Нечаева, 2020], «Фонд взаимовыручки» IBSA [Dmitrieva, Kuznetsov, 2024], Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Исламский банк развития и др.

Крупные центры гуманитарной дипломатии уже реализуют масштабные проекты по оказанию гуманитарной помощи и помощи развитию за рубежом: мексиканская AMEXCID³⁵, индонезийская IndoAid³⁶, афро-индийский проект «Группы 9»³⁷, африканская программа НЕПАД³⁸ и т.д. Отражением подходов Юга к гуманитаризму является и китайская концепция «Сообщество единой судьбы человечества» [Кузнецов, 2024].

* * *

Современная гуманитарная дипломатия, являющаяся результатом долгого исторического процесса гуманитаризации, гуманизации и рационализации межгосударственных связей, а также усложняющейся гуманитарной реальности, остается политизированной. Достижения человечества в деле «очеловечивания» международных отношений соседствуют с нерешенными гуманитарными вызовами, носящими системный, хронический и наследуемый характер. При этом возросшая взаимозависимость мира и трансформация международной системы как никогда требуют поиска адекватных ответов

³⁵ AMEXCID. Available at: <https://www.gob.mx/amexcid> (accessed: 01.05.2024).

³⁶ Indo-Aid. Available at: <https://ldkpi.kemenkeu.go.id/en/> (accessed: 01.05.2024).

³⁷ On TEAM-9 Meeting in New-Delhi // Ministry of External Affairs. Available at: <https://www.mea.gov.in/outoging-visit-detail.htm?3446/On+TEAM9+Meeting+in+New+Delhi> (accessed: 01.05.2024).

³⁸ AUDA-NEPAD. Available at: <https://www.nepad.org/> (accessed: 01.05.2024).

на эти вызовы. Такой поиск обусловлен как необходимостью легитимации деятельности широкого круга международных правительственных и неправительственных организаций, так и возрастающей ролью и акторностью «незападного большинства»³⁹, представляющего свои подходы к преодолению последствий чрезвычайных гуманитарных ситуаций и решению проблем развития в целом.

Проведенное исследование позволяет выделить несколько общих принципов и установок, характерных для гуманитарной дипломатии стран Глобального Юга:

- широкий, плюралистический подход к пониманию «гуманитарного» — включение в орбиту гуманитарной дипломатии вопросов культурного, научного, академического, молодежного взаимодействия;
- опора на идею солидарности и гуманитарного сотрудничества (вместо реципиент-донорской модели);
- ненормативность гуманитарной политики — отказ от навязывания нормативно-ценностных обязательств и выдвижения политических требований как условия предоставления помощи;
- опора на принципы суверенитета в реализации гуманитарной политики — критика интервенционизма, односторонних действий, практики смены режимов и проч.

При этом необходимо отметить, что подходы стран Юга к реализации гуманитарной дипломатии в их внешней политике далеко не всегда опираются лишь на солидарность и альтруизм. Включение этих государств в практику гуманитарной дипломатии может происходить по множеству причин. Во-первых, это может быть продиктовано объективной необходимостью реагировать на гуманитарные вызовы в условиях взаимозависимости для предотвращения распространения гуманитарных кризисов на свою территорию. Во-вторых, зачастую стимулом является стремление государства играть более активную роль в региональной или глобальной политике, продвигать свою «мягкую силу». В-третьих, речь может идти о реализации национальных амбиций, особенно когда они подкрепляются ссылками на историческую память, этническую и религиозную общ-

³⁹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на XXXII Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, Москва, 18 мая 2024 года // МИД России. 18.05.2024. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1951435/ (accessed: 15.05.2024).

ность и т.д. Именно эти факторы зачастую определяют направления и общую специфику гуманитарной дипломатии отдельных стран. Так, если бывшие метрополии чаще сосредоточивают свою гуманитарную дипломатию на своих бывших колониальных владениях, то растущие региональные лидеры Юга — в своих региональных пространствах и там, где открывается окно возможностей для продвижения своего влияния (Китай в Африке, Индия в Южной Азии, Турция на Ближнем Востоке и т.д.) [Практика современной гуманитарной дипломатии, 2022]. Наконец, в-четвертых, гуманитарная дипломатия может использоваться государствами как способ улучшения своего имиджа на мировой арене (так, Афганистан направлял помощь Турции после землетрясений⁴⁰).

В целом можно согласиться с образным выражением Х. Токатлиана [Tokatlian, 2011], что опора на традиционные для мировой политики ценности суверенитета, равенства и невмешательства в гуманитарной дипломатии стран Юга можно трактовать как пример зарождения особых, «саусфальских» (*Southphalian*) принципов международных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырёва О.Н. Гуманитарная дипломатия: современные концепции и подходы // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 1 (68). С. 166–191. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.4.

2. Богатырёва О.Н. Региональная и цивилизационная специфика гуманитарной дипломатии в Латинской Америке // Гуманитарная дипломатия: цивилизационные и национальные модели / Под ред. О.Н. Богатырёвой. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 61–106.

3. Громогласова Е.С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018. DOI: 10.20542/978-5-9535-0536-9.

4. Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая внешней политики государства // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). С. 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91.

5. Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая во внешней политике государства: Дисс... д-ра полит. наук. М., 2019.

⁴⁰ Taliban administration to send earthquake aid to Turkey, Syria // Reuters. 08.02.2023. Available at: <https://www.reuters.com/world/middle-east/taliban-administration-send-earthquake-aid-turkey-syria-2023-02-08/> (accessed: 30.01.2024).

6. Дмитриева В.А. Особенности гуманитарной дипломатии Мексики на современном этапе // Латинская Америка. 2022. № 9. С. 19–35. DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7.

7. Дмитриева В.А., Меликов А.А., Шварц Б.М. Турция // Практика современной гуманитарной дипломатии / Под ред. Д.А. Кузнецова. М.: Эдитус, 2022. С. 182–193.

8. Иванов А.В. Моральные дилеммы и концептуальные противоречия теории «справедливой войны» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (69). Ч. 2. С. 55–58.

9. Кузнецов Д.А. Современная гуманитарная дипломатия: тенденции и вызовы // Международное гуманитарное сотрудничество / Под ред. М.М. Лебедевой, Д.А. Кузнецова. М.: Проспект, 2024. С. 23–35.

10. Лебедева М.М. Актеры современной мировой политики: тренды развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (28). С. 38–42.

11. Лебедева М.М. Гуманитаризация мировой политики // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 76–87. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.07.

12. Лебедева М.М., Устинова М.И. Гуманитарные и социальные вопросы в Совете Безопасности ООН // Вестник международных организаций. 2020. № 1. С. 135–154. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-06.

13. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт / Отв. ред. О.Н. Богатырёва, Д.М. Ковба, К.М. Табаринцева-Романова. М.: Наука, 2021.

14. Морозкина А. Официальная помощь развитию: тенденции последнего десятилетия // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92.

15. Ответственность по защите (R2P): концепция, желательная норма или принцип? Интервью с профессором Алексом Дж. Беллами, Университет Квинсленда (Австралия) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 955–964.

16. Погорельская А. Нормативная сила ЕС в контексте европейской политики развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения. 2022. № 14 (4). С. 456–474. DOI: 10.21638/spbu06.2021.406.

17. Практика современной гуманитарной дипломатии / Под ред. Д.А. Кузнецова. М.: Эдитус, 2022.

18. Рожкова Л.В., Колодяжная Д.И. Гуманитарная интервенция в мировой политике // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 1 (21). С. 45–49.

19. Табаринцева-Романова К.М. Зонтичная концепция дипломатии в международном дискурсе // Дипломатическая служба. 2020. № 3. С. 66–72. DOI: 10.33920/vne-01-2003-09.

20. Табаринцева-Романова К.М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. № 4. С. 31–46. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038.

21. Тарасова Л.Н. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. 2011. № 1 (14). С. 99–105.

22. Тюлебеков Т.Б., Нечаева Е.Л. Создание Нового банка развития как интегрирующего механизма стран БРИКС // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2020. № 4. С. 149–156. DOI: 10.32523/2616-6887/2020-133-4-149-156.

23. Худайкулова А.В. Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 4 (47). С. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5.

24. Худайкулова А.В. Теории безопасности третьего мира // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 412–425.

25. Юдин Н.О. Транснациональная корпорация как актор гуманитарной дипломатии // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 2. С. 147–150.

26. Aaltola M. *Western spectacle of governance and the emergence of humanitarian world politics*. New York: Palgrave Macmillan, 2009.

27. Acharya A. From heaven to Earth: 'Cultural idealism' and 'moral realism' as Chinese contributions to global international relations // *Global IR theory* / Ed. by Y. Qin. London: Routledge, 2020. P. 158–185.

28. Alesina A., Dollar D. Who gives foreign aid to whom and why? // *Journal of Economic Growth*. 2000. Vol. 5. No. 1. P. 33–63.

29. Ali M., Banks G., Parsons N. Why donors give aid and to whom? A critique of the historical and contemporary aid allocation regime // *The Dialogue*. 2015. Vol. X. No. 2. P. 116–131.

30. Arvin B.M., Baum C. Tied and untied foreign aid: A theoretical and empirical analysis // *Keio Economic Studies*. 2007. Vol. 34. No. 2. P. 71–79.

31. Barnett M. *Empire of humanity: A history of humanitarianism*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.

32. Barnett M. Humanitarianism transformed // *Perspectives on Politics*. 2005. Vol. 3. No. 4. P. 723–740.

33. Becker B. Colonial legacies in international aid: Policy priorities and actor constellations // *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South* / Ed. by C. Schmitt. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 161–186.

34. Bell D. *Ethics and world politics*. Oxford: OUP, 2010.

35. Bourguignon F., Platteau J.-P. The hard challenge of aid coordination // *World Development*. 2015. Vol. 69. P. 86–97.

36. Bourguignon F., Sundberg M. Aid effectiveness: Opening the black box // *The American Economic Review*. 2007. Vol. 97. No. 2. P. 316–321.
37. Brautigam D. *The dragon's gift: The real story of China and Africa*. Oxford: OUP, 2009.
38. Campbell D., Shapiro M.J. *Moral spaces: Rethinking ethics and world politics*. Minnesota: University of Minnesota Press, 1999.
39. Cook A., Gong L. Humanitarian diplomacy in the Asia-Pacific: Part I // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 6. No. 3. P. 183–187. DOI: 10.1177/205789112110456.
40. Crawford N. *Argument and change in world politics: Ethics, decolonization, and humanitarian intervention*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
41. Dávid-Barrett E., Fazekas M., Hellmann P. et al. Controlling corruption in development aid: New evidence from contract-level data // *Studies in Comparative International Development*. 2020. Vol. 55. P. 481–515.
42. Davutoğlu A. Turkey's humanitarian diplomacy: Objectives, challenges and prospects // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*. 2013. Vol. 41. No. 6. P. 865–870.
43. De Lauri A. Humanitarian diplomacy: Research agenda // *CMI Brief*. 2018. No. 4. P. 1–4.
44. Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. The role of the IBSA fund in foreign aid policies of IBSA and BRICS member states // *MGIMO Review of International Relations*. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-113-134.
45. Doucouliagos C., Manning E. The allocation of development aid assistance: Do new donors have old motives? // *Proceedings of the Australasian Public Choice Conference*. Burwood: Deakin University, 2009. P. 1–28.
46. Douzinas C. The many faces of humanitarianism // *Parrhesia*. 2007. No. 2. P. 1–28.
47. Dreher A., Fuchs A., Nunnenkamp P. New donors // *International Interactions*. 2013. Vol. 39. No. 3. P. 402–415.
48. Dreher A., Nunnenkamp P., Thiele R. Are 'new' donors different? Comparing the allocation of bilateral aid between nonDAC and DAC donor countries // *World Development*. 2011. Vol. 39. No. 11. P. 1950–1968.
49. Duffield M. *Development, security and unending war. Governing the world of peoples*. Cambridge: Polity, 2007.
50. Duffield M. Post-humanitarianism: Governing precarity through adaptive design // *Journal of Humanitarian Affairs*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 15–27.
51. Egeland J. Humanitarian diplomacy // *The Oxford handbook of modern diplomacy* / Ed. by A.F. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford: OUP, 2013. P. 352–368.

52. Fuchs A., Dreher A., Nunnenkamp P. Determinants of donor generosity: A survey of the aid budget literature // *World Development*. 2014. Vol. 56. P. 172–199.

53. Gong L. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. No. 3. P. 1–15. DOI: 10.1177/20578911211019257.

54. Guillot P. France, peacekeeping and intervention // *International Peacekeeping*. 1994. Vol. 1. No. 1. P. 30–43.

55. Haang'andu P., Béland D. Transnational actors and the diffusion of social policies: An ideational approach // *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South* / Ed. by C. Schmitt. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 305–332.

56. Halimatusa'diyah L. Zakat and social protection: The relationship between socio-religious CSOs and the government of Indonesia // *Journal of Civil Society*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 79–99. DOI: 10.1080/17448689.2015.1019181.

57. Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft / Ed. by L. Minear, H. Smith. Tokyo: United Nations Press, 2007.

58. Jones S. Aid supplies over time: Addressing heterogeneity, trends, and dynamics // *World Development*. 2015. Vol. 69. P. 31–43. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.12.014.

59. Knack S., Rogers F.H., Eubank N. Aid quality and donor rankings // *World Development*. 2011. Vol. 39. No. 11. P. 1907–1917.

60. Knack S., Smets L. Aid tying and donor fragmentation // *World Development*. 2012. Vol. 44. P. 63–76. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.09.006.

61. Kolb R. Note on humanitarian intervention // *International Review of the Red Cross*. 2003. No. 849. P. 119–134.

62. Kotilainen N. Visual theaters of suffering: Constituting the Western spectator in the age of humanitarian world politics. Helsinki: Unigrafia, 2016.

63. Lewis A.M. Humanitarian and military intervention in Libya and Syria: Parliamentary debate and policy failure. New York: Routledge, 2023.

64. Maxwell D., Gelsdorf K. Understanding the humanitarian world. London: Routledge, 2019.

65. Minor A.D. Faith in finance: The role of Zakat in international development. Austin: The University of Texas at Austin, 2014. Master of Arts and Master of Global Policy Studies. Dissertation.

66. Mol R. et al. India's health diplomacy as a soft power tool towards Africa: Humanitarian and geopolitical analysis // *Journal of Asian and African Studies*. 2022. Vol. 57. No. 6. P. 1109–1125. DOI: 10.1177/0021909621103953.

67. Morales H. Ayuda Oficial al Desarrollo de Cuba en el Mundo. Guatemala, 2017.

68. Narang N. Assisting uncertainty: How humanitarian aid can inadvertently prolong civil war // *International Studies Quarterly*. 2015. No. 59. P. 1–12. DOI: 10.1111/isqu.12151.

69. Palagashvili L., Williamson C.R. Grading foreign aid agencies: Best practices across traditional and emerging donors // *Review of Development Economics*. 2021. Vol. 25. No. 2. P. 654–676. DOI: 10.1111/rode.12747.

70. Panajoti T. Humanitarian crises and world politics: The conflict between ethics and pragmatism in humanitarian intervention decisions // *Critique: A Worldwide Journal of Politics*. 2009. Fall/Spring. P. 77–98.

71. Panda J.P. Institutionalizing the African reach: Reviewing China's and India's multilateral drives // *Journal of Asian and African Studies*. 2016. No. 6. P. 1–20. DOI: 10.1177/0021909615622348.

72. Paulo S., Reisen H. Eastern donors and Western soft law: Towards a DAC donor peer review of China and India? // *Development Policy Review*. 2010. Vol. 28. No. 5. P. 535–552.

73. Puri J., Aladysheva A., Iversen V. et al. Can rigorous impact evaluations improve humanitarian assistance? // *Journal of Development Economics*. 2017. Vol. 9. No. 4. P. 519–542. DOI: 10.1080/19439342.2017.1388267.

74. Ratajczak M., Broś N. Humanitarian diplomacy: The case of Switzerland and Sweden // *Politeja*. 2023. No. 82. P. 143–163. DOI: 10.12797/Politeja.20.2023.82.08.

75. Régnier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: Identification of a community of practice and prospects for international recognition // *International Review of the Red Cross*. 2011. Vol. 93. No. 884. P. 1211–1237.

76. Round J.I., Odedokun M. Aid effort and its determinants // *International Review of Economics & Finance*. 2004. Vol. 13. No. 3. P. 293–309.

77. Seybolt T.B. Harmonizing the humanitarian aid network: Adaptive change in a complex system // *International Studies Quarterly*. 2009. Vol. 53. P. 1027–1050.

78. Steinwand M.C. Compete or coordinate? Aid fragmentation and lead donorship // *International Organization*. 2015. Vol. 69. No. 2. P. 443–472. DOI: 10.1017/S0020818314000381.

79. Straus O.S., Wheeler E.P., Ion T.P. et al. Humanitarian diplomacy of the United States // *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1907–1917)*. 1912. Vol. 6. P. 45–59.

80. Tokatlian J.G. Latinoamérica y sus 'alianzas' extrarregionales: Entre el espejismo, la ilusión y la evidencia // *La agenda internacional de América Latina: Entre nuevas y viejas alianzas* / Ed. by D. Wollrad, G. Maihold, M. Mols. Buenos Aires: Nueva Sociedad; SWP; Friedrich Ebert Stiftung, 2011. P. 139–160.

81. Vickers B. Africa and the rising powers: Bargaining for the 'marginalized many' // *International Affairs*. 2013. Vol. 89. No. 3. P. 673–693. DOI: 10.2307/23473849.

82. Yaffe H. Cuban medical internationalism: A paradigm for South–South cooperation // *International Journal of Cuban Studies*. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 203–224. DOI: 10.13169/intejcubastud.15.2.0203.

REFERENCES

1. Bogatyreva O.N. 2022. Gumanitarnaya diplomatiya: sovremennyye kontseptsii i podkhody [Humanitarian diplomacy: Modern concepts and approaches]. *International Trends*, vol. 20, no. 1 (68), pp. 166–191. DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.4. (In Russ.)

2. Bogatyreva O.N. 2023. Regional'naya i tsivilizatsionnaya spetsifika gumanitarnoi diplomatii v Latinskoi Amerike [Regional and civilization specific of Latin American humanitarian diplomacy]. In: Bogatyreva O.N. (ed.). *Gumanitarnaya diplomatiya: tsivilizatsionnye i natsional'nye modeli* [Humanitarian diplomacy: Civilization and national models]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 61–106. (In Russ.)

3. Gromoglasova E. 2018a. *Gumanitarnaya diplomatiya v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh: opyt sistemnogo issledovaniya* [Humanitarian diplomacy in modern international politics: A systemic view]. Moscow, IMEMO RAN Publ. DOI: 10.20542/978-5-9535-0536-9. (In Russ.)

4. Gromoglasova E. 2018b. Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vneshnei politiki gosudarstva [Humanitarian component of a state's foreign policy]. *Pathways to Peace and Security*, no. 1 (54), pp. 77–91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91. (In Russ.)

5. Gromoglasova E.S. 2019. *Gumanitarnaya sostavlyayushchaya vo vneshnei politike gosudarstva* [Humanitarian component in a state's foreign policy]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

6. Dmitrieva V.A. 2022. Osobennosti gumanitarnoi diplomatii Meksiki na sovremennom etape [The specifics of modern humanitarian diplomacy of Mexico]. *Latinskaya Amerika*, no. 9, pp. 19–35. DOI: 10.31857/S0044748X0021271-7. (In Russ.)

7. Dmitrieva V.A., Melikov A.A., Shvarts B.M. 2022. Turtsiya [Türkiye]. In: Kuznetsov D.A. (ed.). *Praktika sovremennoi gumanitarnoi diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus Publ., pp. 182–193. (In Russ.)

8. Ivanov A.V. 2016. Moral'nye dilemmy i kontseptual'nye protivorechiya teorii 'spravedlivoi voiny' [Moral dilemmas and conceptual contradictions of the theory of 'Just war']. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (69), part 2, pp. 55–58. (In Russ.)

9. Kuznetsov D.A. 2024. Sovremennaya gumanitarnaya diplomatiya: tendentsii i vyzovy [Modern humanitarian diplomacy: Trends and challenges]. In: Lebedeva M.M., Kuznetsov D.A. (eds.). *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo* [International humanitarian cooperation]. Moscow, Prospekt Publ., pp. 23–35. (In Russ.)

10. Lebedeva M.M. 2013. Aktory sovremennoi mirovoi politiki: trendy razvitiya [Actors of contemporary world politics: Trends of development]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 3 (28), pp. 38–42. (In Russ.)

11. Lebedeva M.M. 2021. Gumanitarizatsiya mirovoi politiki [Humanitarization of world politics]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 76–87. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.07. (In Russ.)

12. Lebedeva M.M., Ustinova M.I. 2020. Gumanitarnye i sotsial'nye voprosy v Sovete Bezopasnosti OON [The humanitarian and social agenda of the UN Security Council]. *International Organizations Research Journal*, no. 1, pp. 135–154. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-01-06. (In Russ.)

13. Bogatyreva O.N., Kovba D.M., Tabarintseva-Romanova K.M. (eds.). 2021. *Mnogostoronnyaya gumanitarnaya diplomatiya: universal'nyi i regional'nyi opyt* [Multilateral humanitarian diplomacy: Universal and regional experience]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

14. Morozkina A. 2019. Ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: tendentsii poslednego desyatiletiya [Official development aid: Trends of the last decade]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 9, pp. 86–92. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92. (In Russ.)

15. Otvetstvennost' po zashchite (R2P): kontseptsiya, zhelatel'naya norma ili printsip? Interv'y u s professorom Aleksom Dzh. Bellami, Universitet Kvinlenda (Avstraliya) [R2P: Concept, aspirational norm or principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia)]. 2018. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 18, no. 4, pp. 955–964. (In Russ.)

16. Pogorel'skaya A. 2022. Normativnaya sila ES v kontekste evropeiskoi politiki razvitiya [The EU normative power in development policy]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 14, no. 4, pp. 456–474. DOI: 10.21638/spbu06.2021.406. (In Russ.)

17. Kuznetsov D.A. (ed.). 2022. *Praktika sovremennoi gumanitarnoi diplomatii* [Practice of modern humanitarian diplomacy]. Moscow, Editus Publ. (In Russ.)

18. Rozhkova L.V., Kolodyazhnaya D.I. 2018. Gumanitarnaya interventsiiya v mirovoi politike [Humanitarian intervention in world politics]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (21), pp. 45–49. (In Russ.)

19. Tabarintseva-Romanova K.M. 2020. Zontichnaya kontseptsiya diplomatii v mezhdunarodnom diskurse [Umbrella concept of diplomacy in international discourse]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, no. 3, pp. 66–72. DOI: 10.33920/vne-01-2003-09. (In Russ.)

20. Tabarintseva-Romanova K.M. 2021. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: zarubezhnye podkhody k izucheniyu i realizatsii [International humanitarian cooperation: Foreign approaches to studying and realization]. *Comparative Politics Russia*, vol. 12, no. 4, pp. 31–46. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10038. (In Russ.)

21. Tarasova L.N. 2011. K diskussii o pravomernosti gumanitarnoi interventsii [On the issue of legality of humanitarian intervention]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*, no. 1 (14), pp. 99–105. (In Russ.)

22. Tyulebekov T.B., Nechaeva E.L. 2020. Sozdanie Novogo banka razvitiya kak integriruyushchego mekhanizma stran BRICS [Establishing the New Development Bank as an integrating mechanism for the BRICS countries]. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series*, no. 4, pp. 149–156. DOI: 10.32523/2616-6887/2020-133-4-149-156. (In Russ.)

23. Khudaykulova A.V. 2016a. Novoe v upravlenii mezhdunarodnymi konfliktami: oposredovannye voiny vmesto gumanitarnykh interventsii [Conflict management in the new century: Back to proxy wars?]. *International Trends*, vol. 14, no. 4 (47), pp. 67–79. DOI: 10.17994/IT.2016.14.4.47.5. (In Russ.)

24. Khudaykulova A.V. 2016b. Teorii bezopasnosti tret'ego mira [Security theories of Third World]. *Vestnik RUDN. International Relations*, vol. 16, no. 3, pp. 412–425. (In Russ.)

25. Yudin N.O. 2024. Transnatsional'naya korporatsiya kak aktor gumanitarnoi diplomatii [TNC as an actor of humanitarian diplomacy]. *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 2, pp. 147–150. (In Russ.)

26. Aaltola M. 2009. *Western spectacle of governance and the emergence of humanitarian world politics*. New York, Palgrave Macmillan.

27. Acharya A. 2020. From heaven to Earth: 'Cultural idealism' and 'moral realism' as Chinese contributions to global international relations. In: Qin Y. (ed.). *Global IR theory*. London, Routledge, pp. 158–185.

28. Alesina A., Dollar D. 2000. Who gives foreign aid to whom and why? *Journal of Economic Growth*, vol. 5, no. 1, pp. 33–63.

29. Ali M., Banks G., Parsons N. 2015. Why donors give aid and to whom? A critique of the historical and contemporary aid allocation regime. *The Dialogue*, vol. X, no. 2, pp. 116–131.

30. Arvin B.M., Baum C. 2007. Tied and untied foreign aid: A theoretical and empirical analysis. *Keio Economic Studies*, vol. 34, no. 2, pp. 71–79.

31. Barnett M. 2013. *Empire of humanity: A history of humanitarianism*. Ithaca, Cornell University Press.

32. Barnett M. 2005. Humanitarianism transformed. *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 4, pp. 723–740.

33. Becker B. 2020. Colonial legacies in international aid: Policy priorities and actor constellations. In: Schmitt C. (ed.). *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 161–186.

34. Bell D. 2010. *Ethics and world politics*. Oxford, OUP.

35. Bourguignon F., Platteau J.-P. 2015. The hard challenge of aid coordination. *World Development*, vol. 69, pp. 86–97.

36. Bourguignon F., Sundberg M. 2007. Aid effectiveness: Opening the black box. *The American Economic Review*, vol. 97, no. 2, pp. 316–321.

37. Brautigam D. 2009. *The dragon's gift: The real story of China and Africa*. Oxford, OUP.

38. Campbell D., Shapiro M.J. 1999. *Moral spaces: Rethinking ethics and world politics*. Minnesota, University of Minnesota Press.

39. Cook A., Gong L. 2021. Humanitarian diplomacy in the Asia-Pacific: Part I. *Asian Journal of Comparative Politics*, vol. 6, no. 3, pp. 183–187. DOI: 10.1177/2057891121110456.

40. Crawford N. 2002. *Argument and change in world politics: Ethics, decolonization, and humanitarian intervention*. Cambridge, Cambridge University Press.

41. Dávid-Barrett E., Fazekas M., Hellmann P. et al. 2020. Controlling corruption in development aid: New evidence from contract-level data. *Studies in Comparative International Development*, vol. 55, pp. 481–515.

42. Davutoğlu A. 2013. Turkey's humanitarian diplomacy: Objectives, challenges and prospects. *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity*, vol. 41, no. 6, pp. 865–870.

43. De Lauri A. 2018. Humanitarian diplomacy: Research agenda. *CMI Brief*, no. 4, pp. 1–4.

44. Dmitrieva V.A., Kuznetsov D.A. 2024. The role of the IBSA Fund in foreign aid policies of IBSA and BRICS member states. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 17, no. 1, pp. 113–134. DOI: 10.24833/2071-8160-2024-1-94-113-134.

45. Doucouliagos C., Manning E. 2009. The allocation of development aid assistance: Do new donors have old motives? *Proceedings of the Australasian Public Choice Conference*. Burwood, Deakin University. P. 1–28.

46. Douzinas C. 2007. The many faces of humanitarianism. *Parrhesia*, no. 2, pp. 1–28.

47. Dreher A., Fuchs A., Nunnenkamp P. 2013. New donors. *International Interactions*, vol. 39, no. 3, pp. 402–415.

48. Dreher A., Nunnenkamp P., Thiele R. 2011. Are 'new' donors different? Comparing the allocation of bilateral aid between nonDAC and DAC donor countries. *World Development*, vol. 39, no. 11, pp. 1950–1968.

49. Duffield M. 2007. *Development, security and unending war. Governing the world of peoples*. Cambridge, Polity.

50. Duffield M. 2019. Post-humanitarianism: Governing precarity through adaptive design. *Journal of Humanitarian Affairs*, vol. 1, no. 1, pp. 15–27.

51. Egeland J. 2013. Humanitarian diplomacy. In: Cooper A.F., Heine J., Thakur R. (eds.). *The Oxford Handbook of modern diplomacy*. Oxford, OUP, pp. 352–368.

52. Fuchs A., Dreher A., Nunnenkamp P. 2014. Determinants of donor generosity: A survey of the aid budget literature. *World Development*, vol. 56, pp. 172–199.

53. Gong L. 2021. Humanitarian diplomacy as an instrument for China's image-building. *Asian Journal of Comparative Politics*, no. 3, pp. 1–15. DOI: 10.1177/20578911211019257.

54. Guillot P. 1994. France, peacekeeping and intervention. *International Peacekeeping*, vol. 1, no. 1, pp. 30–43.

55. Haang'andu P., Béland D. 2020. Transnational actors and the diffusion of social policies: An ideational approach. In: Schmitt C. (ed.). *From colonialism to international aid: External actors and social protection in the Global South*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 305–332.

56. Halimatusa'diyah L. 2015. Zakat and social protection: The relationship between socio-religious CSOs and the government of Indonesia. *Journal of Civil Society*, vol. 1, no. 1, pp. 79–99. DOI: 10.1080/17448689.2015.1019181.

57. Minear L., Smith H. (eds.). 2007. *Humanitarian diplomacy: Practitioners and their craft*. Tokyo, United Nations Press.

58. Jones S. 2015. Aid supplies over time: Addressing heterogeneity, trends, and dynamics. *World Development*, vol. 69, pp. 31–43. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.12.014.

59. Knack S., Rogers F.H., Eubank N. 2011. Aid quality and donor rankings. *World Development*, vol. 39, no. 11, pp. 1907–1917.

60. Knack S., Smets L. 2012. Aid tying and donor fragmentation. *World Development*, vol. 44, pp. 63–76. DOI: 10.1016/j.worlddev.2012.09.006.

61. Kolb R. 2003. Note on humanitarian intervention. *International Review of the Red Cross*, no. 849, pp. 119–134.

62. Kotilainen N. 2016. *Visual theaters of suffering: Constituting the Western spectator in the age of humanitarian world politics*. Helsinki, Unigrafia.

63. Lewis A.M. 2023. *Humanitarian and military intervention in Libya and Syria: Parliamentary debate and policy failure*. New York, Routledge.

64. Maxwell D., Gelsdorf K. 2019. *Understanding the humanitarian world*. London, Routledge.

65. Minor A.D. 2014. *Faith in finance: The role of Zakat in international development*. Austin, The University of Texas at Austin. Master of Arts and Master of Global Policy Studies, Dissertation.

66. Mol R. et al. 2022. India's health diplomacy as a soft power tool towards Africa: Humanitarian and geopolitical analysis. *Journal of Asian and African Studies*, vol. 57, no. 6, pp. 1109–1125. DOI: 10.1177/00219096211103953.

67. Morales H. 2017. *Ayuda Oficial al Desarrollo de Cuba en el Mundo*. Guatemala.

68. Narang N. 2015. Assisting uncertainty: How humanitarian aid can inadvertently prolong civil war. *International Studies Quarterly*, no. 59, pp. 1–12. DOI: 10.1111/isqu.12151.

69. Palagashvili L., Williamson C.R. 2021. Grading foreign aid agencies: Best practices across traditional and emerging donors. *Review of Development Economics*, vol. 25, no. 2, pp. 654–676. DOI: 10.1111/rode.12747.

70. Panajoti T. 2009. Humanitarian crises and world politics: The conflict between ethics and pragmatism in humanitarian intervention decisions. *Critique: A Worldwide Journal of Politics*, fall/spring, pp. 77–98.

71. Panda J.P. 2016. Institutionalizing the African reach: Reviewing China's and India's multilateral drives. *Journal of Asian and African Studies*, no. 6, pp. 1–20. DOI: 10.1177/0021909615622348.

72. Paulo S., Reisen H. 2010. Eastern donors and Western soft law: Towards a DAC donor peer review of China and India? *Development Policy Review*, vol. 28, no. 5, pp. 535–552.

73. Puri J., Aladysheva A., Iversen V. et al. 2017. Can rigorous impact evaluations improve humanitarian assistance? *Journal of Development Economics*, vol. 9, no. 4, pp. 519–542. DOI: 10.1080/19439342.2017.1388267.

74. Ratajczak M., Broś N. 2023. Humanitarian diplomacy: The case of Switzerland and Sweden. *Politeja*, no. 82, pp. 143–163. DOI: 10.12797/Politeja.20.2023.82.08.

75. Régnier P. 2011. The emerging concept of humanitarian diplomacy: Identification of a community of practice and prospects for international recognition. *International Review of the Red Cross*, vol. 93, no. 884, pp. 1211–1237.

76. Round J.I., Odedokun M. 2004. Aid effort and its determinants. *International Review of Economics & Finance*, vol. 13, no. 3, pp. 293–309.

77. Seybolt T.B. 2009. Harmonizing the humanitarian aid network: Adaptive change in a complex system. *International Studies Quarterly*, vol. 53, pp. 1027–1050.

78. Steinwand M.C. 2015. Compete or coordinate? Aid fragmentation and lead donorship. *International Organization*, vol. 69, no. 2, pp. 443–472. DOI: 10.1017/S0020818314000381.

79. Straus O.S., Wheeler E.P., Ion T.P. et al. 1912. Humanitarian diplomacy of the United States. *Proceedings of the American Society of International Law at Its Annual Meeting (1907–1917)*, vol. 6, pp. 45–59.

80. Tokatlian J.G. 2011. Latinoamérica y sus 'alianzas' extrarregionales: entre el espejismo, la ilusión y la evidencia. In: Wollrad D., Maihold G., Mols M. (eds.). *La agenda internacional de América Latina: Entre nuevas y viejas alianzas*. Buenos Aires, Nueva Sociedad, SWP, Friedrich Ebert Stiftung, pp. 139–160.

81. Vickers B. 2013. Africa and the rising powers: Bargaining for the 'marginalized many'. *International Affairs*, vol. 89, no. 3, pp. 673–693. DOI: 10.2307/23473849.

82. Yaffe H. 2023. Cuban medical internationalism: A paradigm for South–South cooperation. *International Journal of Cuban Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 203–224. DOI: 10.13169/intejcubastud.15.2.0203.

Статья поступила в редакцию 08.04.2024;
одобрена после рецензирования 18.06.2024;
принята к публикации 01.08.2024

The paper was submitted 08.04.2024;
approved after reviewing 18.06.2024;
accepted for publication 01.08.2024